

ДЕНДРОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ БЕЛОРУСОВ

В статье на примерах песен устно-поэтического творчества раскрываются дендрологические образы-символы свадебной обрядности белорусов: березы, вербы, калины, руты, сосны, явора. Главный акцент направлен на рассмотрение символики данных образов, их семантики и поэтики.

Ключевые слова: береза, верба, деревья, жених, невеста, сосна, свадьба, свадебные песни, дендрологические образы-символы, персонажные образы, калина, растения, рута, сваты, явор.

Свадебные песни, как и вся песенная лирика прошлых веков, имеют глубокое, насыщенное содержание, меткое и четкое народное слово. Неповторимый характер художественного слова народной песни позволяет нам как можно лучше узнать духовный мир наших предков, понять их мечты, чувства и надежды.

Первобытный человек на протяжении своей жизни сумел научиться распознавать предметы и явления окружающего мира, давать им свое объяснение, а потом сопоставлять с собственной жизнью и природой. Постепенно наши предки стали наделять эти предметы и явления всеми свойствами и качествами, которыми обладали сами.

Свадебные песни, что исполняли в далеком прошлом участники обряда, являются ярким примером использования символики – “системы традиционных замен образов, чувств и действий аллегорическими, взятыми на основе сходства и ассоциаций, имеющих прочное вхождение в обиход. Символика применяется для отражения человека, его внутреннего состояния, поведения, взаимоотношений, для обозначения жизненных явлений. Соответственно этому символика имеет два основных средства передачи – образ-символ и символическую ситуацию, которая чаще всего выступает в форме параллелизма” [1 : 306]. Образ-символ, в свою очередь, представляет собой “прочное и однозначное в данной художественной системе иносказательное отражение персонажа, предмета с помощью другого, обычно растения, птицы, животного путем их уравнивания, замещения, отождествления” [1 : 306].

В свадебных песнях, как отмечают ученые и исследователи фольклора Н. М. Никольский, А. А. Потебня, К. П. Кабашников, О. Дэй, Н. С. Гилевич, Т. В. Володина, И. В. Казакова, А. М. Ненадовец, А. В. Гура, И. И. Крук, И. А. Швед, С. И. Фатеева и другие, выделяется множество лексических групп символов. Наш материал мы посвятили подробному рассмотрению наиболее часто встречающихся в лексической группе образов-символов, которая объединяет единицы растительного мира таких как береза, верба, калина, рута, сосна, явор. Перечисленные представители растительного мира чаще

других встречаются в качестве образа-символа дендрологического кода в поэтических строчках свадебных песен белорусов, а также других восточнославянских народов.

Первобытный человек был уверен, что растения, животные и люди являются детьми отца (неба) и матери (земли). Как в свою очередь замечает исследователь фольклора и мифологии А. М. Ненадовец, “отец и мать были неразрывно связаны между собой, но потом их разлучил лес, который уперся ногами в землю, а головой в небо” [14 : 59].

Этнографические и фольклорные исследования свидетельствуют о том, что наш далекий предок первоначально сумел выделить из окружающего мира лишь некоторые растения и деревья. По мнению И. А. Швед, “дерево стало базовым концептом, который определил организацию вселенной, универсальным средством для символизации различных ситуаций и явлений. В результате архаичной антропоморфизации дерево стало проявлять психологически – эмоциональное состояние души человека” [16: 1].

Самым распространенным среди дендрологических образов- символов белорусской свадьбы является *калина*, как считают фольклористы. С этим мнением ученых нельзя не согласиться, поскольку образ калины встречается в песенных строчках на всех этапах свадебного обряда: в качестве образа- символа девушки на выданье; символа девичества, молодости, невинности невесты; символа девичьей красоты; символа носителя вести, вестника; символа благополучия и счастья молодой семье, когда красные гроздья ягод калины украшали свадебный каравай и дом молодых (вельце – свадебное дерево). [15: 51]. Наиболее точное с научной точки зрения определение этого растения звучит следующим образом: “Калина в устно-поэтических произведениях ассоциируется с красивой молодой невестой, наряд которой был разрешен в красно-белой цветовой гамме, украшенный белыми цветами или гроздьями красных ягод. Калина высокая, “жаркая”, “колосистая с позолоченными веточками”, “с широким листом, выращенная под солнцем и дождем” , в лугу “при речке, при холодной водичке , на крутом бережку”; красующись на свободе, она помогает созреть яголке “чистого золота”. Срубленная, сломанная, ссеченная, склоненная калина-повенчанная девушка” [3 : 615].

Стихотворные строки свадебных песен белорусов подчеркивают красоту невесты, сравнивают красавицу-невесту с красной калиной: (“лічыка, як каліначка // Сама, як маліначка” [2 : 169]; “красна каліначка” [10 : 157]); ее достоинство (“каліна высокая ... « [2 : 272]); и настроение (“Чырвона каліначка // Блізка саду стаяла // Да расою прыпала. // Там дзевачка да расу брала. // Расою вымывалася, // Да шлюбу сабіралася...” [10 : 157]). Роса на калине в данном случае символизирует горькие слезы девушки перед венчанием. Из текста этой грустной песни следует, что ее героиня – девушка красивая, скромная, трудолюбивая, достигла брачного возраста и с нетерпением и тревогой ожидает нового этапа в своей жизни.

Символом девушки, что скоро пойдет под венец, является калина, которая “белым цветом зацвіла, // Белым цветом зацвітала, // А чырвоным ужо даспела ...” [11 : 275] В том случае, когда девушка на выданье ломает ветки, либо гроздья с пунцовых ягод с куста калины, это может означать по всей определенности, что она обручена и беспокоится о своей доле, ожидающей её после окончания свадебных торжеств, и обращается за советом к родной мамочке:

Я па садзіку гуляла,
 Цвет *калінаву* ламала,
 На дарожачку кідала,
 У свае мамачкі пугала:
 – Ох, ці буду я такая,
Як каліначка тая ?
 – Будзеш, доня, будзеш,
 Як у мяне жыць будзеш,
 А як пойдзеш ад мяне,
 Спадзе красачка з цябе.
 Як асыплюць, донька, дзеткі,
Як каліначку кветкі.
 Паліліся з дочкі слёзы,
Як з каліначкі росы [11 : 246].

Следует отметить, что образ девушки-невесты в текстах свадебных песен предстаёт в непрерывном развитии, раскрывает её богатый внутренний мир, даёт возможность понять чувства и глубокие внутренние переживания молодой накануне больших перемен в её взрослой жизни: перехода на чужую сторону, в чужой дом, в новую семью. Считалось, что девушка перед венчанием должна много и безутешно плакать, только при этом условии её жизнь в браке будет счастливой и благополучной. Поэтому строки песни о невесте, которая “росою вымываецца” необходимо трактовать как “слезами умываецца”, что означает “плачет” о скорой утрате своего девичьего положения, разлучиться с любимыми родителями, расстанется с беспхлопотною жизнью в родительском доме и дорогими сердцу подружками:

Чырвоная каліначка , белы цвет.	На той дарозе старажы.
Пыталася дзевачка: – Ці ўжо свет?	Яны мяне, маладую, спаймаюць,
Чаму майго хлопчыка доўга нет?	Да па русай косцы пазнаюць.
Напісала б пiсьмо – не ўмею,	Яны маю косачку расплятуць,
Паслала б пасланца – не смею,	Яны мае каснічкі забяруць,
Пайшла б я сама – баюся,	Яны мае слёзачкі разліюць
Вялікая дарога – спазнюся	[10 : 166].

Традиционный в свадебных песенных строчках образ калины, что “схілілася на зялён луг”, способствует отражению глубокого внутреннего переживания девушки, которая скоро покинет не только родной дом, свой любимый сад-палисад перед окнами дома, но и весь свой род, перейдёт в род мужа с его порядками и обычаями, иным укладом жизни и быта:

Чырвоная каліначка	Цяжка саду без зязюлі,
На зелен луг <i>схілілася</i> ,	Мне ж цяжэле без матулі.
Я, малада, журылася,	Цяжка рыбцы без вадзіцы,
Што ад роду адбілася.	Мне цяжэле без сястрыцы
Ой, ад роду, ад родачку,	[11 : 285].
Цяжка мне жыці сіротчай.	

Анализ свадебных песен, что исполнялись повсеместно на территории Беларуси в давние времена, свидетельствует о ярком, выразительном и полном образе-символе растительного мира – калине, который ассоциируется с образом-персонажем невесты, молодой, привлекательной, доброй, доверчивой девушкой, что с тревогой и надеждой ожидает начала приезда сватов, потом красивой, весёлой, запоминающейся свадьбы, этого главного события в жизни молодых людей столетия назад; и, наконец, верой в доброе, уважительное отношение к ней в семье будущего мужа – спутника жизни.

Береза представляет собой женский образ-символ дендрологического кода белорусской устно-поэтической обрядовой поэзии. На протяжении нескольких столетий участники свадебных обрядов и ритуальных действий используют в величальных песнях этот светлый образ-символ. Именно благодаря женскому началу, на наш взгляд, образ этого красивого дерева довольно часто употребляется исполнителями народных песен в дни свадебных празднеств. По свидетельству И. И. Крука, в давние времена на Брестчине существовал свадебный ритуал, согласно которому свадебный поезд молодых, который возвращался из-под венца, должен был обязательно проехать под свитами в арку и переплетенными между собой живыми ветками березы. Такой ритуал, по мнению учёного-исследователя фольклора, предсказывал жениху и его невесте счастье и благополучие в семейной жизни на долгие годы, а также свидетельствовал об изменении социального положения жениха и невесты [3 : 208]. Очень частое применение березы в величальных стихотворных строчках песен белорусской свадьбы было связано с отличительными особенностями этого дерева: белым цветом ствола с редкими черными полосками; более ранним, в отличие от других деревьев, появлением на ветках красивых листьев нежно-зелёного цвета ранней весной и серёжек сразу после схода снега.

Больше всего внимания в песнях, что исполнялись на различных этапах свадьбы, всегда уделялось образу-персонажу невесты в сочетании с образом-символом, представителем дендрологического кода, березой. Молодая, стройная березка с высоким стволом и роскошной кроной зелёных листьев издавна сравнивалась с красивой молодой девушкой, которая достигла возраста, когда настало время мечты о суженном преобразовать в реальность:

– Ой ты, да бярозанька,
Чаму ты не зялёная?
– Як жа мне зялёнай быць?
Паўз мяне, да бярозаньку,
Бітая дарожка ляжыць,
Паўз мяне купцы едуць
І з мяне дубцы рэжучь...

– Маладая Валечка,
Чаму ты невясёлая?
– Як жа мне вясёлай быць?
Каля мяне Ванечка сядзіць,
Да за маю ручку дзяржыць.
Як на маё лічка глянэ –
То маё сэрдачка мяне

[5 : 60].

Именно поэтому, полагаем, красивую девушку на выданье чаще всего сравнивали с молодой березкой, а также в тех случаях, когда предсказывали невесте плодовитость как у березы. Кроме того, береза издавна являлась символом девичьей чистоты, невинности: “Выгаралі лясы, бары, // Пасеялі тры бярозы пры дарозе, // На тых бярозах па лісцейца. // А на тых лісцейках па зязюльца. // Кавалі яны дзень і ноч, // Скавалі яны тры

радасці. // Першая радасць – каваны пояс, // Другая радасць – руцвяны вянец, // Трэцяя радасць – залаты персцень. // Каваны пояс – заручаннейка, // Руцвяны вяночак – вячаннейка, // Залаты персцень – прывязаннейка” [5 : 50]. Нередко в белорусских свадебных песнях береза появляется в качестве образа-символа растительного мира не одна, но с другими его представителями, чаще всего, это деревья или кустарники мужского пола: явор, клён, дуб, хмель, ореховый куст. Примером символического единения жениха и невесты может служить свадебная песня, в которой речь идет о переплетении веток юной березы с веткой дуба или явора.

Высокая и стройная березка без верхушки на стволе в старину символизировала образ-персонаж невесты, которая идет под венец и навсегда покидает родной с детства дом и палисад:

З’язджала Танечка са двара, Вяршок бярозы зламiла. – Стой, мая бярозка, без верху, Жывi, мая мамачка, без мяне. Без русай касы без маёй,	Без цiхiх маiх паходаў, Без нiзкiх маiх паклонаў. Цiхiя паходы ў дварэ, Нiзкiя паклоны ў царкве
	[11 : 190].

Образ-символ березы исполнители песен на свадьбах применяли чтобы предупредить перед венчанием невесту о возможных трудностях жизни в замужестве : “Ай ты, белая бяроза, // Будзе табе прыгода, // Прыгодачка – злы мароз. // Марозiк змарозiць, // А ветрык лiсток абаб’е, // Аж на мора занясе. // Маладая дзяўчына, // Будзе табе прыгода, // Прыгодачка – злы мужык. // З дзевачкамі разлучыць // I да жанок прылучыць. // Дзеўкi будуць гуляцi, // А ты будзеш плакацi...” [6 : 324] .

Благодарность невесты за свое хорошее воспитание и беспечную жизнь в родном доме, внимательное и уважительное отношение взрослой девушки к матери и отцу, другим родственникам, соседям и просто односельчанам разного возраста сравниваются певцами с тем, как кренится белая березка к земле: “Пахiлiлася бела бяроза да зямлi, // Пакланiлася малада Алеська ўсёй раднi. // А татачку – найнiжай, // Бо ён у яе за столiкам найблiжай. // А пачала бела бяроза хiляцца, // Малада Алеська пачала ўсiм кланяцца [6 : 567].

Свадебные песни содержат сведения об этнографической реальности событий, происходивших в усадьбе невесты при её отъезде в дом жениха. По мнению исследователя фольклора И. В. Козаковой, прощаясь с родительским домом, девушка горько плакала, подходила к березке, обнимала её и прижималась к стволу дерева. Такие действия невесты символизировали её прощание с родным домом [12 : 151]:

Таким образом, светлолюбивая, стройная, высокая, с красивой кроной нежной листвы береза всегда отождествлялась в песнях, которые исполняли участники свадебных обрядов во всех белорусских сёлах, с чистотой, девичьей невинностью, красотой молодой невесты. Именно поэтому образ-символ березы отождествляется в стихотворных строчках песен свадебных ритуальных действий с юной девушкой, стоящей на пороге взрослой семейной жизни, живущей в ожидании счастья и взаимной любви.

Сосна является женским образом-символом дендрологического кода, поэтому в текстах свадебных песен это дерево ассоциируется с девушкой, достигшей брачного возраста, красивой, высокой, стройной, мечтающей о скором замужестве:

Ай, звонка, звонка сасонка,
Ай, званчэй таго ялінка:
А з пня ляцела – грымела,
Па дарозе йшла – звінела,
К варотам прыйшла – гаварыла:
– Адчыні, Полечка, вароты!

– Стой, мая ялінка, не ўспела,
Па двару хаджу, мак сею.
Расці, мая мачанька зеляненька,
Расцвіці, цвятом чырвоным.
Чырвоны цвяток – на вянок,
Зялёная мачанька – к шапанькі
[7 : 455].

Девушка мечтает о любви, с нетерпением ждет приезда молодца на вороном коне, который заберет ее с собой в чужую сторонку, в новую счастливую жизнь во взаимных чувствах любви, согласия и всяческого благополучия : “Каля быстрага Дуная // Стаяла сасонка ля краю. // Пад той сасонкай Танечка // Шаўковай хустай махала, // А ў полі вятры сцішала, // А ў Бога долі прасіла: // –Каб быстрэй дунай цікі ішоў, // Каб мой Сашанька прыехаў, // Мiane, молладу перавёз. // Не жалка коней вараных, // Не жалка малайцоў маладых” [7 : 494].

Образ-символ сосны употребляется в текстах величальных песен, посвященных невесте-сироте, в них исполнители стихотворных строчек выразительно, с особой теплотой и болью, рассказывали участникам свадебных торжеств о том, как сирота собирает на свой единственный в жизни праздник всех своих родных кроме родителей. Тексты таких песен свидетельствуют о наличии различия между березой и сосной, когда дерево остаётся без вершины: у березы это происходит, когда девушка покидает отчий дом и выходит замуж, а в случае с сосной – в то время, когда девушка-сирота собирает родных, подруг и гостей на свадебное застолье: “ – Сосменка зялёная, чы ўсё вецце ёсць? // –Усё вецце, ўсё вецце, толькі вярхушкі нет. // Ёсць каму ля сосенкі пастаяць, // Да некаму пашумень. // – Надзютка маладая, чы ўся радзінка? // – Ўся радня, ўся радня, роднай мамкі нет. // Ёсць каму нізенька пакланіцца, // Не ў кага шчыранька благаславіцца” [7 : 127]. Сосна воспринимается участниками и гостями свадебного праздника точно живое существо, она может ходить, шуметь, поскольку имеет антропоморфные черты, и даже ведет разговор с женихом и даёт ему добрые советы:

Ой, тонка, тонка сасонка
Ишла дарожкай, **шумела,**
Ишла дарожкай, **шумела,**
Прышла ў вароты **ды стала,**
Прышла ў вароты **ды стала,**
Малайца дзіцяткам **назваля:**
– Ой, ты малойчык, дзіцятка,
Ды калі будзеш жаніцца,

Ды калі будзеш жаніцца,
Не выбірай жонку на рынку.
Не выбірай жонку на рынку,
А выбірай жонку на ніўцы,
Што часта жменькай махае,
Густа снапочкі складае.
Густа снапочкі складае,
Табе, маладому, спрыяе

[5 : 236 – 237].

Со времен глубокой древности **рута** в белорусских деревнях считается исконным цветком, которым всегда украшали свадебный веночек невесты. По меткому замечанию известного белорусского фольклориста Г. Р. Ширмы “рута – символ нравственной чистоты и целомудрия – украшает подвенечный наряд каждой невесты – девушки. Рута бывает атрибутом свадьбы не только летом или осенью. Она должна быть и в зимнее

время венком на голове молодых. Для этого осенью, когда прячут картошку на зиму, срывають в огороде целыми пучками еще зеленую руту и вместе с картофелем прячут ее на зиму” [2 : 7].

На протяжении многих веков традиционные дендрологические образы-символы природного пространства разделялись на две части – культурную (роза, рута, лилия) и дикую (василек , бархатцы, ромашка). В природном пространстве существовала некая собственно девичья микросреда – сад. На Беларуси в стародавние времена почти повсеместно был распространен обычай, согласно которому, по мнению Т. В. Володиной, каждая девушка брачного возраста “имело свой “сад” , в котором выращивала необходимые для свадьбы цветы и растения” [15 : 15].

Образ-символ руты сопровождает молодую девушку в свадебных песенных строчках почти на каждом этапе брачных торжеств, начиная с первого наиболее ответственного обряда – сватовства. Девушка горюет от того, что она больше не ходит с подругами в “танок”, постоянно находится в доме родителей, совсем не выходит на улицу:

– Пашугай, рута, пашугай,	Пагуляй, дзяўчоначка, пагуляй,
Пашугай, рута, пашугай.	– А рада б я пагуляці –
– А рада б я пашугаці	– Ка мне дзеўкі не прыходзюць,
Ка мне ветры не заходзюць,	Ка мне дзеўкі не прыходзюць,
Ка мне ветры не заходзюць,	Толькі хлопцы заязджаюць,
Жарка сонца запякаіць.	Мяне, млоду, заручаюць

[5 : 63].

Верба всегда считалась излюбленным растением не только среди жителей всех уголков Беларуси, но и у братских славянских народов, в том числе русского и украинского. Свадебные песни, которые исполнялись столетия назад, донесли до нашего времени много примеров применения вербы в их текстах на разных этапах свадьбы. Так, если подружки наряжали невесту перед приездом жениха, исполнялись песенные строчки следующего содержания:

За новаю святліцаю	– А я тую вербу зашну,
Стаіць верба з расіцаю.	А я ж тую да росу збяру.
– Ой, хто тую вербу зашне,	А я ж тую да рос збяру,
Ой, хто тую да росу збярэ?	А Любашку за сябе вазьму
Адазваўся малады Іванька:	[6: 391].

Прильнувшие веточки вербы свидетельствуют о том, что девушка венчается, в этом случае куст вербы является символом вступления невесты в замужнюю жизнь: “А схілілася верба // З верху да караня. // Вянчалася дзевачка // Ад рання да поўдня. // А схіліліся кветкі – // Павянчаліся дзеткі” [7: 315]. Склонённые веточки вербы в подобных величальных песенных текстах символизируют завершение обряда венчания молодых. После венчания во время свадебного застолья невеста часто плачет, и это послужило основанием для исполнителей свадебных песен вновь сравнить невесту с вербой, что склонила свои гибкие зелёные ветви над водой: “... І схілілася верба з верху да караня, // Схілілася Марыся чэраз стол да мацёнкі, // На стол галоўку клоніць, // А пад сталом слэзанькі роніць” [7 : 393]

В некоторых песнях, что исполнялись участниками обрядовых свадебных действий, звучит разговор невесты со своей матерью, когда девушка высказывает свои пожелания о количестве подарков, которые ей хочется получить во время свадебного застолья:

Да перад дзвярамі да стаялі вербы,
Да на тых вербах па галіначцы,
Да на тых галінках па лісціначцы,
А на тых лісцінках па зўзулечцы.
Вышла-выбегла малада дзеванька,
Выламала дзве галіначкі

Да прынесла да да матанькі:
– Да гадай-думай, мая матанька,
Колькі тута лісціначак,
Колькі трэба мне падарачкаў
[5 : 139].

Верба как представитель дендрологического кода образной системы белорусского свадебной обрядности символизирует в текстах песен, посвященных брачным торжествам, молодую девушку, которая собирается замуж, или невесту, живущую в трепетном ожидании своего суженного и сватов: "...Не стой, вербіна, развівайся, // Не сядзі, Лукашка, размышляйся. // Навары піва дзевяць вараў, // А дзесяты вар – гарэлкі стан. // Хадзіла каля бровара Васечка: // – Татанька роднёнькі, што ты дзелаеш? // – Дурачка Васечка, піва вару. // – Нашто піва, татанька? // – Наш двор пры дарозе, госці на парозе: // Першы госць – сватанька, // А другі – то ўжо зяценька" [5 : 163] .

Как правило, растёт верба в непосредственной близости от пруда, речки, либо озера, склонив низко над водой свои красивые ветки. Исполнители народных песен белорусской свадебной обрядности чаще всего ассоциируют такое состояние образа-символа дерева с невестой накануне помолвки, а позднее – после венчания. Изредка в песенных строчках верба подаётся в сочетании с другими деревьями, например, клёном, явором или дубом, однако чаще всего этот представитель растительного кода в текстах величальных песен свадебной обрядности символизирует образ-персонаж и потому используется в одиночестве, без каких-либо других растительных образов-символов.

Изучение большого количества научных трудов знаменитых исследователей фольклора и текстов песен, что на протяжении нескольких столетий исполнялись повсеместно на территории Беларуси во время свадьбы, свидетельствуют о том, что явор в стихотворных строчках песен белорусской свадьбы наделяется различными постоянными эпитетами, точными и выразительными метафорами; представляет собой символ мужского пола дендрологического кода, который довольно часто используется певцами во время различных обрядовых действий. Исследователь фольклора И. А. Швед высказывает мысль о том, что "символ явора расширяет границы своего микрополя и включает значение "юноша", "молодой мужчина в расцвете сил", "неисчерпаемость любви и вообще жизни", "здоровье", "благополучие", "высокий социальный статус" и т. д." [4 : 808].

Зеленый явор может символизировать в песнях, которые исполнялись во время ритуальных действий в свадебной обрядности белорусов исключительно родного отца или брата невесты:

Ой, у бары явару многа,
Зялёнага ніводнага.
У Светачкі братоў многа,

Да й роднага ніводнага,
Ой, ёсць каму піць, гуляць,
Няма каму благаслаўляць
[9 : 210].

Кроме того, образ-символ зеленого явора можно встретить в текстах величальных свадебных песен во многих сёлах Беларуси; в них исполнители отождествляют это дерево с родной хатой невесты, где остались её родные. “Локализация на яворе определённых реалий создаёт особое поле смыслов, в котором представлены сакральный и профанические начала. На яворе, в первую очередь, сидят орёл и сокол (седой соколенко) – великоленный помощник парня или его зооморфные ипостаси, которые нагружают дендрологический символ более глубоким и сложным мифологическим содержанием, дают возможность развертывания широкого круга смыслов и выхода в разнообразие семантические области ...” [17 : 327]

Певцы редко исполняли величальные песни, в которых явор в качестве свадебного символа дендрологического кода применяется отдельно. Наиболее часто это дерево звучит в песенных строчках с орнитологическими образами – символами (сокол, кукушка), представителями животного мира (вороной коник жениха), либо в сочетании с другими деревьями или растениями: “Да зялён явар на дварэ,.. // Да на явару пташачкі... // А ў явара вецце зялёнае...” [6 : 80]

Анализ многих текстов песен, которые выполнялись на различных этапах брачных торжеств, позволяет сделать следующее заключение: довольно часто на ветках явора сидят орел или сокол, которые являются друзьями и хорошими помощниками жениха. Птицы эти не просто являются “зооморфными ипостасями” молодца, они увеличивают дендрологический символ дерева значительно большим и очень сложным “мифологическим смыслом” [17 : 327]. Старинные поверья запрещали молодцу при поездке к невесте даже ставить своего вороного коня для отдыха под калиной, рябиной, поскольку эти деревья несчастливые, советовали делать это исключительно под Явором:

Да паедзеш, Трахімка, жаніцыя,
Да не стаў конікі пад калінаю,
Бо каліна – дзерава няшчаснае.
Да пастаў конікі пад яваром,
Бо явар – дзерава шчаслівае:
Да на версе ў явары сіні саколiк,

Пасярэдзіне ў явары роевыя пчолкі,
А ў комлі ў явары чорныя бабры.
Чорныя бабры – на шапачку,
Роевыя пчолкі – на прыўванне,
А сіні саколiк – на вянчанне
[5 : 221].

Явор, как свидетельствуют стихотворные строчки свадебных песен белорусов, очень тесно связан не только с некоторыми образами-символами птиц, но и с вороним конем молодого. Из текстов песен видно, как явор наделяется человеческими чертами, дерево ведет разговор с женихом, подружками невесты, сватами, друзьями и даже самой невестой:

Пайшла дзеўка хусця мыці
І з яварам гаварыці:
– Цяпер, явар, ты зялёны,
Цяпер, явар, ты харош.
А як прыйдзе на цябе мароз,
Буйны вецер, дробны дождж,
Тваё лісцейка абарве.
Тваё лісцейка пажане.

Будзе ліхі ды твой муж,
Тваю коску абарве,
Твае слёзанкі разалье.
– Каб ты, явар, не даждаў,
Як усю праўду расказаў.
А я маю два браця,
Вялю явар рубаци,
Будзем скрыпку спраўляці,

– Цяпер, дзеўка, малада,
Цяпер, дзеўка, хараша.
А як пойдзеш ты замуж,

Як скрыпачка зайграе,
Та ўсё гора пазнае
[9 : 105].

Из текстов песен, что исполнялись участниками свадебного праздника почти во всех уголках страны следует, что явор, как дерево “исключительно счастливое”, оказывает жениху в трудную минуту помощь советом, как преодолеть препятствие, что встречается молодцу на его пути до суженной. Мать или сестра жениха, провожая его в дальнюю дорогу до невесты, напутствуя, говорят: “Едзь-паедзь, сыночак жаніцца // Да не стаў коніка пад рабінай, // А рабіна – дзераўца нешчаслівае... // Да пастаў каня пад яворай. // А явора – дзераўца шчаслівей таго: // Зверху ў яворы пташкі пяюць, // А пасярод у яворы пчо́лкі звя́нць, // А з камля ў яворы мядок цячэць” [5 : 220].

Некоторые ученые-исследователи фольклора, в частности, И. А. Швед высказывают суждение о том, что явор как представитель дендрологического кода может применяться в архаических текстах белорусского фольклора, в том числе, в обрядовых песнях, одновременно с астрономическими объектами [17 : 327].

Если в свадебных песнях встречаются вместе дендрологический образ явора и персонажные образы (жениха, невесты, сватов, подруг, дружки и др.), осуществляется, по мнению исследователя фольклора А. В. Гуры, которое разделяет И. А. Швед, и с которым, считаем необходимым согласиться, превращение дендрологического и персонажного кодов в единый антропоморфный код: “Сціх, бояре, во двор ідзіце, // Пыллю не пыліце // Явор не ломайце...” [8 : 131]

Изредка можно встретить в песнях, исполнявшихся певцами во время того или иного обрядового действия белорусской свадьбы, стихотворные строчки, в которых явор упоминается одновременно с ветром: “Пасадзілі явара ў добры час на пагодзе, // А ні ад сонца не вянець, // Толькі ад ветру буяець...” [9 : 152]

Символ вечной любви в песнях свадебной тематики воплощается за счет обшения в стихах мужского символа – образа явора с дендрологическими женскими образами: березой, елью, липой, калиной, розой, рутей, сосной и другими:

–Да, як табе, бяроза,
Да і з яварам сыйціся?
–Я карэннейкам сыйдуся,
Да я голлейкам сшчаплюся.
Ой, адтуль-адсюль буйныя ветры,
Ой, ад нас буйнейшыя.

–Да, як табе, дзевачка,
Да і з дзяцінкам сыйціся?
–Да я ножкамі сыйдуся,
Да я ручкамі сшчаплюся.
Ой, адтуль-адсюль любыя госці,
Ой, ад нас любейшыя

[8 : 294].

В некоторых случаях исполнители в песнях, отображающих отдельные обрядовые действия, например, праздничное застолье во время сватовства отождествляет девушку-невесту с явором, что способствует более полному уяснению смысла стихотворных строчек: “А ў канцэ стала яворка стаяла, // Што пад той яворкай дзевачка сідзела. // Дзевачка сідзела, сталы засцілала, // Сталы засцілала, гасцей частавала: // – Піце, піце, гасцейкі, // Толькі мяне не барыце...” [9 : 21]

Представитель дендрологического кода образ-символ явор всегда предстает в текстах величальных песен, исполнявшихся во время различных обрядов и ритуальных

действий белорусской брачной церемонии, “зеленым”, “витиеватым”, очень красивым деревом. Этот образ-символ растительного кода белорусского устно-поэтического творчества, в частности, свадебной обрядности, довольно редко употребляется в текстах песен самостоятельно, чаще всего явор встречается в сочетании с другими образами-символами: деревьев и кустарников, орнитологическими образами-символами (птицы), либо цветами:

Не цёсан явар, не цёсан,	Шэрымі зязюлямі абстаўлён.
Толькі харашо выцёсан,	Не вучан молад, не вучан,
Пры дарожыньцы пастанаўлён,	Толькі харашо прыбарон,
Чырвонай калінай абсаджон,	Маладой дзевачкай падарон

[8 : 297].

Образ-символ явора, этого яркого представителя дендрологического кода белорусского устно-поэтического творчества олицетворяет доброе здоровье, считается счастливым деревом, высоко ценится за своё долголетие, красоту и высоту. Явор, в отличие от образов-символов женского рода – рябины, калины, которые в стихотворных строчках свадебных песен являются деревьями несчастливыми, всегда противопоставляются им как дерево исключительно счастливое, которое одинаково любят птицы, другие деревья и люди.

Таким образом, подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы. Свадебные песни, созданные на протяжении столетий нашими далёкими предками, ярко и выразительно доносят до нас содержание максимально обобщённых образов, существующих в сознании человека, – символе. В целом, дендрологические образы, представители белорусской флоры, как символы песен белорусской свадебной обрядности, с одной стороны, способствуют более полному раскрытию чувств и помыслов участников свадебных обрядов и ритуальных действий, делают стихотворные тексты более выразительными, наполняют их богатым содержанием. С другой стороны, если говорить в более широком смысле, растительные образы-символы дендрологического кода белорусской свадебной обрядности являются своеобразными маленькими частицами богатой и насыщенной духовной культуры белорусов, представляют собой некие строительные кирпичики древней мифологической модели Вселенной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев, А. Н. Теория литературы: учебник. В 2 ч. Ч. 1. Художественное произведение / А. Н. Андреев. – Минск: Издательство Гревцова, 2010. – 200 с.: ил.
2. Беларускія народныя песні. У 4-х. Т4. Вяселле. Запіс Рыгора Шырмы / Рэдакцыйная калегія: Я. Казека, З. Мажэйка, Г. Цітовіч. – Мн.: Беларусь, 1978. – 383с.
3. Беларускі фальклор: Энцыклапедыя: У 2 т. Т. 1. Акапела – Куцця / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Мн. Бел. Эн., 2005. – 768 с.: іл.
4. Беларускі фальклор: Энцыклапедыя: У 2 т. Т 2: Лабараторыя традыцыйнага мастацтва – “Яшчур” / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш.– Мн. Бел. Эн., 2006. – 832с.:іл.
5. Вяселле. Песні ў шасці кнігах. Кн.1 / [Склад. Л. А. Малаш, рэд. М. Я. Фядосік]. – Мн.: Навука і тэхніка, 1980. – 680с., нод.іл.
6. Вяселле. Песні ў 6-ці кн. Кн.2 / [Склад. Л. А. Малаш, рэд. М. Я. Фядосік]. – Мн.: Навука і тэхніка, 1981. – 831с., нод.іл.

7. Вяселле. Песні ў 6-ці кн. Кн.3 / [Склад. Л. А. Малаш, рэд. М. Я. Фядосік]. – Мн.: Навука і тэхніка, 1983. – 768с., нод.іл.
8. Вяселле. Песні ў 6-ці кн. Кн.4 / [Склад. Л. А. Малаш, рэд. М. Я. Фядосік]. – Мн.: Навука і тэхніка, 1985. – 733с., [8]к/ нод.іл.
9. Вяселле. Песні ў 6-ці кн. Кн.5 / [Склад. Л. А. Малаш, рэд. М. Я. Фядосік]. – Мн.: Навука і тэхніка, 1986. – 708с., [8]к/нод.іл
10. Гілевіч, Н. С. Лірыка беларускага вяселля / Уклад. Рэд. Н. С. Гілевіч. – Мн.: Вышэйшая школа, 1979. – 656с.,іл.
11. Голас з невычэрпнай і жыватворнай крыніцы /Склад. У. В. Анічэнка. – Мн.: Навука і тэхніка, 1995. – 464 с.
12. Казакова, І. В. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў. – Мінск: Універсітэцкае, 1995. –151с.
13. Ненадавец, А. М. Каму пакланяліся продкі / навук. Рэд. А. С. Фядосік – Навука і тэхніка, 1996. – 239с.
14. Фацеева, С.І. “У лужку калінка ў кружку...” Сімволіка каліны ў вясельных песнях. Роднае слова. Часопіс. – 1996. – №2 – с.50-58
15. Фальклор у запісах Яна Чачота і братоў Тышкевічаў / Укладанне, сістэматызацыя тэкстаў і каментарыі: В. І. Скідан, А. М. Хрушчова. [Уступ. артыкул Т. В. Валодзіна; навуковы рэдактар А. С. Ліс]. – Мн.: Беларуская навука, 2005. – 342с.
16. Швед І.А. Раслінныя сімвалы беларускага фальклора: генезіс, семантыка, функцыянальнасць. Аўтарэферат дысертацыі на атрымне вучонай ступені епндыдата філалагічных навук. – Мн.: Нацыянальная Акадэмія Навук Беларусі, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы, 1999. – 20с.
17. Швед, І. А. Явар як элементкадавай сістэмы славянскага фальклору // Рэгіянальныя асаблівасці фальклору і літаратуры славянскіх народаў: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гомель, 23-24 красавіка) / Адказ. Рэд. І. Ф. Штэйнер – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2004. – с. 325-330.

Павлова О. П., аспірантка

ГНУ «Центру дасліджень білоруськоі культуры, мовы і літаратуры
НАН Білорусі», Мінськ, Білорусь

ДЕНДРОЛОГІЧНІ ОБРАЗЫ-СИМВОЛІ ВЕСІЛЬНОЌ ОБЯДОВОСТІ БІЛОРУСІВ

У статтї на прыкладах пісень усно-поэтычнай творчості розкрываюцца дендрологічныя образы-символы весільнай абядавості білорусів: березы, дуба, вербы, вишні, каліны, ліпы, руты, сосны, явора, яліны. Голоўныі акцент напавлений на розгляд символікі даных образів, іх семантыкі і поэтыкі.

Ключові слова: береза, верба, дрера, дуб, нареченыі, ліпа, наречена, сосна, весілля, весільныі пісні, дендрологічныя образы-символы, персанажныя образы, каліна, росліны, рута, сваты, явір, яліна.